

Гитарный пассаж, сочинённый Лансом, так и лучился самолюбованием, но звучал чертовски красиво. Сам он был от него в полном восторге. Раз за разом парень перебирал струны, пытаясь развить этот короткий, простой набросок, дописать его до полноценной композиции, но вдохновение упрямо не шло.

Тео буквально исходил завистью. И пусть сейчас он переключился на бас, начинал-то он тоже с шестиструнки. Оттого его ворчание звучало особенно уязвлено:

— Терпеть не могу этих одарённых выскочек. Вспомнить мои первые годы с гитарой — без слёз не взглянешь. Кое-как аккорды переставлял, куда уж там выпендриваться. А некоторые будто родились, чтобы чужую самооценку втоптывать. Учатся без году неделя, а послушают песню пару раз — и выдают без запинки от начала до конца. Теперь ещё и сочинять взялись! Ну не издевательство ли? С чего это Господь к кому-то так щедр?

Джеймс едва сдерживал смех, слушая его обиженное брюзжание. А вот Ланс лишь самодовольно ухмыльнулся. Наигранно поклонившись с гитарой в руках, он изобразил изысканную вежливость — вышло до одури пижонски:

— Считаю, что я принял это за комплимент.

Тео аж зубами закрипел от злости. С досады он с силой рванул басовые струны, наполнив комнату хаотичным дребезжанием.

— Ладно тебе, ты на басу отлично лабаешь, на сцене смотришься улётно, — попытался утешить его Джеймс. Он высоко поднял два огромных разноцветных маракаса. — Вон, посмотри на меня: мне вообще приходится трясти этими погремушками, как детсадовцу.

С этими словами он принялся размахивать яркими красно-зелёными маракасами над головой. Корча забавные рожицы, Джеймс уморительно пародировал школьных черлидерш с их помпонами — то изображал дикую страсть, то жеманно кокетничал, скача вокруг парней. Сухой шелест дробы рассыпался по комнате, и ребята дружно покатались со смеху.

Сам Ланс на такое ребячество был решительно не способен. Он умел объединять людей, вести их за собой, но зажигать в их глазах искру, дарить лёгкость и заставлять работать с улыбкой мог только Джеймс. Так, от репетиции к репетиции, от концерта к концерту, группа «Планета» крепла, сыгрывалась, превращаясь в единый живой организм. Но вскоре их привычный, размеренный ритм жизни бесцеремонно нарушило одно известие.

Господин Дуайт внезапно объявил им о трёхдневных каникулах: все эти дни в клубе можно было не появляться. Внеплановые выходные — дело, конечно, приятное; в конце концов, никто из парней не был поехавшим фанатиком, готовым пахать без сна и отдыха ради призрачной идеи. Однако причина, по которой им дали этот отдых, заставила всех помрачнеть.

В город с гастролями приехала какая-то малоизвестная банда из Австралии. Расчётливый

Дуайт мгновенно почуял выгоду. Пользуясь тем, что «Планета» раскачала его заведение до небывалых высот, а недавний косметический ремонт привёл зал в божеский вид, он ухватился за шанс и выкупил право на проведение трёхдневного концерта заезжих музыкантов.

Для ребят это означало лишь одно: их родную сцену, которую они поливали потом и кровью, просто отобрали. Поступок старого пройдохи задел их за живое.

Конечно, с точки зрения бизнеса хозяина клуба можно было понять. Заполучить статус официальной концертной площадки, привезти пусть захудалую, но всё же иностранную группу с гастрольями — неважно, заслуженная у них слава или просто раздутая рекламой — это сулило огромные барыши. И дело было не только в кассовых сборах, но и в престиже заведения. Так что Дуайт поступил прагматично.

К тому же, мосты за собой он сжигать не собирался и повёл себя вполне по-человечески. Не пытаясь выставить парней за дверь, он лично пришел подсластить пилюлю:

— Всего три вечера, парни. Отыграют — и поминай как звали. Пролетит незаметно. А потом сцена снова целиком ваша.

Ребята угрюмо смолчали. Никто не стал спорить открыто, но в груди у каждого kloкотала горькая, удушающая обида. И это вовсе не было детским капризом. Любой, кто добровольно лезет под свет софитов, обладает раздутым эго. Такие люди искренне верят в собственную исключительность, ревностно оберегают свои владения и по-юношески самонадеянно считают сцену личным королевством, зрителей — верными подданными, а себя — единственными и неповторимыми правителями. И лишиться родных подмостков для них было всё равно что пережить вражескую оккупацию.

— И что, эта дерьмовая банда поёт лучше нас? — не выдержал Джеймс.

— Понятия не имею, но заморские кенгуру — это экзотика! — честно и не без иронии усмехнулся господин Дуайт. — По крайней мере, билеты расходятся как горячие пирожки.

«Да пошёл ты! Тоже мне, невидаль — кенгуру недоделанные!»

В те годы парни ещё не успели повидать мир, оставаясь провинциальными юнцами с замашками местных звёзд. Но юношеской спеси и горячей крови им было не занимать: Болдуину стукнуло двадцать пять, Тео — девятнадцать, Лансу — всего семнадцать, а Джимми — шестнадцать (даже если приплюсовать те десять лет бессмысленного прозябания из прошлой жизни, выходило от силы двадцать шесть). Все как один — гордые, заносчивые упрямы. С какой стати им без боя отдавать свою территорию заезжим выскочкам, которых они даже в глаза не видели?

Но увы, клуб принадлежал не им. Их мнения никто не спрашивал.

Несколько дней ребята ходили сами не свои. Даже у вечно неунывающего Джеймса пропало всякое желание шутить и кривляться.

Но тут колесо фортуны сделало неожиданный оборот.

Заезжие австралийцы выдвинули клубу условие: им позарез требовалась какая-нибудь малоизвестная местная банда для разогрева. Обычная практика — расшевелить толпу перед выходом главных героев.

Публика, приходя на концерт, раскачивается не сразу. Людям нужно время, чтобы втянуться, заказать выпивку и настроиться на нужную волну. Австралийская группа «Кенгуру» решила облегчить себе задачу: пусть местный молодняк выйдет на сцену первым, приструнит шумящую толпу, создаст правильную атмосферу и подготовит почву. А уже потом, на всё готовенькое, пафосно выкатятся они — звёзды мирового масштаба!

Дуайт долго раздумывать не стал. Утром, по дороге в клуб, он завернул к дому Болдуина и постучал в дверь.

На порог выполз заспанный Джеймс с растрёпанным золотистым вихром на голове. Из-за ночного образа жизни все остальные ещё безмятежно дрыхли без задних ног. Заходить внутрь Дуайт не горел желанием. Жилище холостяков, да ещё и облюбованное четырьмя раздолбаями-музыкантами, обычно являло собой зрелище, далёкое от идеалов чистоты. Так что хозяин клуба предпочёл остаться на крыльце и прямо там изложил суть дела.

Сон с Джеймсом как ветром сдуло. Красивые зелёные глаза распахнулись, в них вспыхнул опасный, лихорадочный огонёк. Натянув самую невинную и лучезарную улыбку, он обнажил острые клыки, панибратски хлопнул себя в грудь и горячо заверил:

— Без проблем, босс, доверьтесь нам! Всё сделаем в лучшем виде, комар носа не подточит!

Дуайт довольно ухмыльнулся. Потрепав парня по плечу и бросив снисходительное «Хороший мальчик», он со спокойной душой покатил к своей машине.

Стоило ему скрыться из виду, как Джеймс, осторожно высунув голову за дверь, прислушался. Убедившись, что шаги затихли вдали, он победно вскинул руку, сжав кулак, и беззвучно закричал от восторга.

В следующий миг он ураганом ворвался в дом. Сметая всё на своём пути, Джеймс влетел в спальню и принялся бесцеремонно расталкивать парней, сияя как начищенный медный таз:

— Подъём, салаги! Час расплаты настал! Зубы на полку, гитары в руки — мы идём мочить этих грёбанных кенгуру! Мы их, блять, в порошок сотрём на их же концерте!

И речь шла вовсе не о банальном мордобое. Парни собирались расчехлить свои инструменты и убраться заезжих гастролёров в чисто музыкальной дуэли.

Разогрев? Подготовка почвы? Услужливая массовка?

Хер им на воротник! Мечтать не вредно! Пускай валят обратно в свою сраную Австралию и трахают там местных кенгуру!

Ланс, который уснул только в три часа ночи и страдал от жуткого утреннего недосыпа, пребывал в ярости. С мрачным, убийственным лицом он медленно сполз с кровати. Абсолютно бесстрастно он натянул одежду, тщательно почистил зубы, умылся холодной водой, аккуратно причёсался, уложил волосы помадой, брызнул на шею парфюмом... и только завершив весь этот священный ритуал, неторопливо закатал рукава рубашки.

Повернувшись к Джеймсу, который в этот момент безумно скакал вокруг него, вопя во всё горло, Ланс хладнокровно отправил гиперактивного придурка в техничный нокаут точным ударом в челюсть.

Рухнув на ковёр, Джеймс лишь жалобно охнул. Над его головой навис Ланс:

— Ещё раз, блять, разбудишь меня спозаранку — и я лично сброшу тебя с моста в Мерси. К чёртовым рыбам.

<http://bllate.org/book/19389/1961069>